

Авторская серия
ЛЕНЫ СОКОЛ

ЛЕНА СОКОЛ

Любовь
по
обмену

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Художественное оформление *Ольги Сапожниковой*

Фотография автора @Ирина Шайхразиева

Иллюстрация в марке серии:
© Sopolkin / Shutterstock.com

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Random Illustrator / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Сокол, Лена.

С59 Любовь по обмену / Лена Сокол. — Москва :
Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-168731-1

Зоя готовится принять у себя в гостях студентку из Штатов по имени Челси, но на пороге вместо девушки появляется ее самовлюбленный брат Джастин.

Грубиян, наглец, не поддающийся контролю смутяян способен превратить размеренную жизнь бедной Зои в сущий кошмар. Эта встреча изменит их жизни навсегда.

И языковой барьер — далеко не самое сложное, что встанет между молодыми людьми.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168731-1

© Сокол Е., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Дорогие читатели!

Любое мнение, высказанное в данном произведении любым из героев, не претендует на то, чтобы быть истиной в последней инстанции. Также просим учитывать тот факт, что обе описываемые страны — очень большие и быт, традиции, предпочтения жителей (и даже описываемые товары в магазинах) могут отличаться в зависимости от регионов и обозначенных географических областей.

Плейлист

Ellie Goulding, Juice WRLD – Hate Me
КИНО – Музыка волн
Taylor Swift – I Knew You Were Trouble
КИНО – Дождь для нас
Charlie Puth – Light Switch
КИНО – Звезды останутся здесь
John Newman – Come And Get It
Элджей, FEDUK – Розовое вино
GAYLE – abcdefu
Bad Balance – Светлая музыка
Harry Styles – Watermelon Sugar
MOT – Август – это ты
P!nk, Willow Sage Hart – Cover Me In Sunshine
Nautilus Pompilius – Дыхание
Lana Del Rey – Young And Beautiful
(Kevin Blanc Remix)
Крес – Мотивы
The Weeknd – Take My Breath
Bad Balance – Страсть

— Если хочешь, я не поеду. — Слава нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

Последние полгода я только и слышала о том, как он мечтает поехать в Калифорнию. Жить в американской семье, ходить в колледж, подтянуть язык, изучить традиции, быт... Какое уж тут «не поеду».

— Что ты... — умело уворачиваюсь от поцелуя.

Папа смотрит на нас ястребом и привычно хмурит брови. Мы со Славой встречаемся почти год, но это не такой приличный срок, чтобы можно было безнаказанно целовать его дочь у него на глазах.

— Я очень хочу, чтобы ты поехал, — киваю, заглядывая Славе в глаза, и крепче сжимаю его руки. — Правда-правда. Просто немного взгрустнулось. Мы же... расстаемся.

— Малыш, — он поправляет сумку на плече и обнимает меня, — не забывай: видеозвонки, голосовые сообщения и электронные письма. Каждый вечер. Да?

Послушно киваю и стараюсь улыбнуться.

— К тому же с тобой будет Челси! — продолжает Слава и целует меня в нос.

Вот об этом я и беспокоюсь. Как привыкшая к достатку и роскоши американская студентка будет выживать в заурядном российском городке, в небольшом доме с минимумом удобств да еще и в одной комнате со мной?

— Всё! Хватит лобызаний! — Мой брат врывается в пространство между нами, беспощадно разрушая интимный момент.

Он светится, улыбка тянется от уха до уха. Еще бы, Стёпа — настоящий везунчик. Ему предстоит прожить ближайшие полгода в Сан-Диего, на берегу Тихого океана, в шикарном особняке, принадлежащем семье моей подруги по переписке — Челси Реннер.

— Люблю тебя, — шепчет мне Слава.

Ему повезло чуть меньше — остановиться придется в доме Розы и Хуана Мартинез, американской пары мексиканского происхождения со средним достатком, любезно согласившихся приютить студента по обмену из России.

— И я, — отвечаю тихо, чтобы папа не услышал.

Ему очень трудно смириться с мыслью, что его крошка Зоя встречается с «патлатым переростком».

— Уже скучаю. — Все-таки запечатлев над моей верхней губой короткий поцелуй, Слава делает шаг назад.

Стискиваю его пальцы и неохотно отпускаю. Брат красноречиво косится на нас, на отца, затем морщит лицо и толкает Славу в плечо:

— Давай, Славян, шевели окорочками.

Он буквально оттаскивает парня от меня и тащит за собой в зону вылета.

— Я тоже уже скучаю... — бросаю на прощание, робко махнув рукой.

Мама подходит сзади и обнимает меня:

— Зайка, не грусти, — прижимается и больно давит подбородком в плечо, — сейчас встретим Челси и поедem домой. Вам вдвоем будет очень весело, вот увидишь. — Она старательно выделяет слово «очень», и это начинает беспокоить меня еще сильнее. Мамино желание понравиться американской гостье пугает.

«Хэллоу, май нэйм из Людмила, — с улыбкой во все тридцать два зуба повторяет она, пока мы второ-

- Любовь по обмену -

ем медленно движемся к зоне прилета. — Вэлкам ту Раша!»

Таланта к языкам у нее примерно столько же, сколько у нашего министра спорта. Может, даже чуть меньше, поэтому маман обзавелась новым планшетом, на который Стёпа установил онлайн-переводчик.

— Нужно было написать табличку с именем Челси, — спохватываюсь я, — чтобы было видно издалека. Так все нормальные люди делают.

— Не переживай, — успокаивает меня отец, от которого за версту несет одеколоном. К встрече с гостьей он тоже готовился основательно: причесался, надел новый свитер, погладил брюки. — Вы же договорились, что ты будешь в красной водолазке. Тем более вы видели друг друга на фото и даже пару раз в «Скайпе».

— Угу, — мычу я, чтобы не разреветься.

Перед глазами по-прежнему стоит Слава. Вот он закидывает сумку на плечо, машет на прощание и торопливо удаляется по коридору. И брат с ним. Если бы не приезд Челси, я бы окончательно расклеилась.

«Вэлкам ту Раша», — повторяет мама снова и снова.

Мы дружно топчемся на месте, разглядываем людей в толпе, сверяем часы. Так проходит час, затем второй. Папа жутко нервничает, мама зачем-то продолжает разминать губы своим «хэллоу», а я пытаюсь понять, в каком месте ошиблась. Не тот рейс? Час, день? Почему она не прилетела? А если прилетела, почему мы не видели ее?

— Зайка, позвони в деканат, — просит мама, когда мы уныло плетемся к машине в вечерних сентябрьских сумерках, — пусть они выяснят, что произошло.

— Я забыла телефон дома, прости. Как только доберемся, позвоню и отправлю Челси сообщение.

— Может, девчонка передумала? — ворчит отец, забираясь в автомобиль. — Зачем гонять людей в аэропорт, если решила не лететь? Трудно было предупредить?

— Я не знаю, пап, — бормочу, устраиваясь на заднем сиденье.

— Трудно было созвониться утром? — продолжает он, заводя мотор.

Но я уже не слышу. Пристегнувшись, откидываю голову назад и люблю медовым золотом, которым налилась листва на деревьях.

— Вэлком ту Раша, — как-то уже безрадостно шепчет себе под нос мама. Отец качает головой и включает радио.

Всю дорогу мы молчим, стараясь не смотреть друг на друга. Я уже скучаю по Славе и брату, и в тот же момент чувствую облегчение — Челси не приедет, а значит, не придется нарушать привычное течение жизни, чтобы показать пресловутое русское гостеприимство.

— А это еще кто? — спрашивает папа, притормаживая у подъездной дорожки.

Подсказываю, пытаюсь вытянуть шею, чтобы увидеть, о ком он говорит, но замечаю лишь темную фигуру на крыльце. Машина сворачивает во двор, останавливается возле гаражных ворот, двигатель глохнет. Отстегиваю ремень, выпрыгиваю наружу и застываю от неожиданности.

На ступенях сидит незнакомый парень. В протертых джинсах и тонкой футболке, несмотря на прохладный вечер. Ткань черного цвета с трудом скрывает проступающие под ней стальные мышцы. Судя по всему, он очень высокий — ноги длиннющие, размер кроссовок не меньше сорок четвертого. Волосы, темные, только на кончиках выгоревшие почти до соломенного цвета, растрепаны. Губы пухлые, в зубах сигарета, в ушах — наушники. Он сидит в расслабленной позе, облокотившись на большую спортивную сумку, затягивается, выпускает дым, а затем... стряхивает пепел в стоящий рядом горшок с мамиными петуниями.

- Любовь по обмену -

Мама вылезает из машины и хватается за сердце, папа демонстративно хмыкает и быстрым шагом направляется к незнакомцу. Я стою на месте и не могу оторвать взгляд от его синих глаз, сумасшедше ярких, с застывшим в них оттенком злости и пренебрежения.

— Вы кто? — громко спрашивает отец, подойдя к крыльцу.

Парень не спешит вставать. Он оглядывается по сторонам и, не увидев урны, тушит окурок в горшке. Затем достает из кармана листок и протягивает папе.

— Здесь... наш адрес, — недовольно говорит отец, когда мы с мамой подходим.

Парень сверлит меня холодным взглядом и медленно поднимается. У меня перехватывает дыхание — он выше меня почти на голову.

— Джастин, — представляется незнакомец, смерив меня небрежным взглядом, в котором отчетливо читается, что я — пустое место. Затем смотрит на моего папу и протягивает руку: — Джастин Реннер. — Голос низкий и теплый, с мягким южным калифорнийским акцентом.

Отец растерянно жмет протянутую ладонь, затем передает мне листок бумаги. Пытаюсь взглянуть, но буквы скачут перед глазами. Кажется, там действительно написан наш адрес.

Джастин... Джастин Реннер? Голова начинает кружиться. Челси пару раз говорила, что у нее есть брат. Но почему здесь он?

— Джастин? — Мама выглядит очень беспомощной и растерянной. — Вэлкам ту Раша... — жмет руку незнакомца. Ее маленькая ладонь тонет в огромной лапище.

— Челси не смогла приехать, вместо нее — я. — Он закидывает сумку на плечо, прячет руки в карманы узких джинсов и хмурится.

Парень вроде как и сам не рад, что оказался здесь. Мама с папой переглядываются и молчат.

— Они что, не понимают меня? — спрашивает парень, приподнимая бровь.

— Нет, — отвечаю я, — то есть... Но... — опасливо поднимаю на него взгляд.

— Окей, ну, объясни им тогда по-быстренькому. — Он кивает головой и тут же напускает на себя скучающий вид. — Как там тебя?

— Зоя, — выдыхаю, чувствуя себя кроликом перед удавом.

— Зоуи? — явно насмехаясь, переспрашивает он.

— Нет. Зо-я.

— Ага. Ясно. — Он хитро щурится и еще раз произносит: — Объясни им, Зо-у-и.

Джастин

«Первосортный засранец и третьесортный спортсмен!» — эти слова Челси всплывают в памяти всякий раз, стоит только вспомнить, в какой жопе по ее вине я оказался. Если бы сестра не сдала меня предкам, хрен бы очутился в этой дыре.

Убогая страна, угрюмые люди, холодина жуткая. Как они вообще здесь выживают?

Немая сцена затягивается.

— Э... эм... ну... — Девчонка явно не слишком умна, долго собирается с мыслями и выглядит обескураженной.

— Я смотрю, ты мастер поддержать разговор? — сочувственно гляжу на нее, затем на часы. — У меня не так много времени, и я ужасно устал после перелета. Давай без лишних бла-бла, скажи своим предкам, пусть покажут мне место, где можно перекантоваться, пока меня не выпрут обратно в Штаты. Окей?

— Я... — Эта Зоуи краснеет, как перезрелый томат, явно собирается выдать что-то на английском со сво-

- Любовь по обмену -

им забавным акцентом. — Я не очень хорошо поняла, что ты сказал... — блеет она, заламывая пальцы. — Не мог бы... ты... говорить помедленнее?

Фэйс палм. Попал так попал...

Ее родители смотрят на меня, как на инопланетянина, неизвестно зачем решившего почтить своим присутствием их жилище, а она и двух слов связать не может.

— Окей, — говорю, наклоняясь к этой малявке, разжевываю по слогам: — Я буду у вас жить. Обрадуй родителей. По-нят-но?

— Ан-дэс-тэнд, — сквозь зубы, явно обидевшись, рычит она, поворачивается к предкам и долго что-то объясняет на фирменно русском — грубоватом, холодном и жестком языке.

Все сказанное звучит, будто повторенное многократно «Сталин-Путин-Гор-ба-чев», но мне почему-то нравится наблюдать в этот момент за ее губами. Они мягкие, розовые, пухлые и так красиво складываются трубочкой, когда она раз за разом повторяет какое-то «Он». Что бы значило это слово? Даже интересно, надо будет посмотреть в словаре.

Поймав себя на этой мысли, трясую головой. Единственная моя задача — сделать все, чтобы в максимально короткие сроки свалить отсюда.

Наконец родители девчонки кивают головой, еще раз жмут мне руки и, очевидно, представляются. Вряд ли я когда-нибудь смогу повторить их имена, даже если очень постараюсь. Для меня все сказанное сливается в один большой хаос, от которого плаваются мозги.

Они натужно улыбаются и затем приглашают меня в свое жилище. Двухэтажный домишко квадратов на сто пятьдесят изнутри оказывается вполне пригодным для жизни, светлым и даже уютным. Как если бы меня заселили в семейный придорожный мотель экономкласса.

Папаша сразу бежит к телефону, а мамаша останавливает меня в коридоре, пытаюсь что-то объяснить. Видимо, женщине чем-то не угодили мои кроссовки. Она тычет в них пальцем и жестами разыгрывает какую-то пантомимическую сценку.

— Пожалуйста, — тихо просит Зоуи за моей спиной, — сними обувь.

— Это еще зачем? — спрашиваю.

— У нас так принято.

Оборачиваюсь и опаляю ее злым взглядом.

— Ни за что!

Девчонка поджигает губы, явно что-то обдумывает, затем смотрит на мать и что-то быстро говорит. Та кажется вполне удовлетворенной ее словами и отходит, пропуская меня в гостиную. Бросаю с размаху сумку на пол, падаю на диван и оглядываю обстановку: стол, два кресла, телевизор на стене. Комната совмещена с кухней, где они, очевидно, обедают. М-да...

— Что ты сказала ей? — спрашиваю у Зоуи, которая продолжает вздрагивать при звуке моего голоса.

Ее огромные голубые глазищи хитро сужаются.

— Сказала, что ты переживаешь... — она снова старательно подбирает слова и аккуратно складывает их в предложения, — что запах твоих носков... напугает ее, — набирает в грудь больше воздуха и гордо вздергивает носик. — И что ты обещаешь ей потом вымыть пол.

Мое лицо вытягивается от удивления. Что ж, девчонка не так проста, как кажется. Эта кроха с характером, а значит, вдвойне приятнее будет утереть ей нос.

— Черт, — бормочу, замечая, что кроссовки и правда оставили на полу грязные следы.

И где я успел так вляпаться?

Хозяйка дома скидывает плащ, продолжает что-то суетливо говорить дочери, хватая швабру и лихо протирает за мной пол. Ее муж меряет шагами кухню, громко общаясь с кем-то по телефону. Мы с Зоуи

- Любовь по обмену -

играем в гляделки: я, развалившись на диване, бесцеремонно разглядываю ее щуплую фигурку, она, видя это, вспыхивает еще сильнее. Кожа на ее лице и шее становится почти того же цвета, что и шерстяная водолазка.

— Ты... — наконец она решается снова заговорить, — ты же... должен хоть немного понимать по-русски, разве нет?

Я?! Вот такого уж точно не было в моих мечтах.

— Нет, — морщусь.

— Но... — Теперь Зоуи опять похожа на перепуганного олененка Бэмби. Выглядит это забавно и нравится мне все больше. Она задумчиво смотрит на мои кроссовки, покусывая губу.

— Что?

— Ведь таковы условия программы обмена... — Хлопая длинными ресницами, она запинаясь и косится на родителей. — Изучать язык, быт, традиции, хорошо учиться в принимающей стороне.

— Нет, — усмехаюсь, — этого я делать точно не собираюсь.

Женщина со шваброй уже возле меня. Смущенно улыбается и жестом просит поднять ноги, чтобы она могла протереть под ними.

Господи, да проще было снять эти чертовы кроссовки! Сумасшедший дом...

— Но... ведь, если ты не будешь всего этого делать, тебя исключат из программы и отправят домой, — бормочет Зоуи, теребя тонкий золотой браслет на запястье.

Встаю, иду к двери, снимаю обувь и возвращаюсь в гостиную в одних носках.

— Детка, в этом-то и вся фишка. — Недобро улыбаюсь, подмигиваю и перевожу взгляд на наручные часы.

Дома раннее утро. Эта долбаная разница во времени ужасно меня напрягает.